

Почему трудно одолеть исламистский террор

Носенко В. И.

Прошедшее десятилетие продемонстрировало способность современного терроризма к выживанию. Феномен терроризма основывается на союзе с радикальным исламом, который порождает его под псевдоисламскими знаменами, является его финансовым спонсором и обеспечивает идеологическую мотивацию. Поэтому поражение терроризма обуславливается предварительной нейтрализацией и делегитимизацией радикального исламизма как его идеологической основы. Учитывая сегодняшнее влияние умеренного исламизма, его тесные связи и соперничество с радикалами, можно было бы в перспективе включить это движение в качестве противовеса в процесс идеологического подрыва исламского терроризма.

С приходом в Белый дом Б. Обамы основной центр борьбы с терроризмом переместилась из Ирака в Афганистан, а находящийся там американский экспедиционный корпус доведен до ста тысяч человек. Администрация президента США убеждает и американских граждан, и внешний мир, что только уничтожение «Аль-Каиды» избавит Америку и международное сообщество от глобального террористического вызова. Спецслужбы США, трудившиеся в период президентства Дж. Буша о недоступности американской территории для проникновения алькаидовских террористов после 2001 г., теперь предупреждают о подготовке ими новых диверсий непосредственно в Америке.

Разворачивающиеся в Афганистане вооруженные действия выходят за рамки локальной контртеррористической операции, сдвигаясь к полномасштабной войне, исход которой представляется туманным, если рассчитывать на победу в ее традиционном понимании. Полный успех представляется маловероятным, и не потому, что невозможно справиться с «Аль-Каидой», а из-за сопротивления антиоккупационного движения местного населения. Эксперты предсказывают, что афганская кампания обернется для США последствиями не менее болезненными, чем вьетнамская война.

По существу, Б. Обама взялся завершать начатую, но незаконченную Дж. Бушем из-за переключения на Ирак миссию возмездия за террористические акции 11 сентября 2001 г. От этого наследия ему нельзя было отказываться: война с террором сопровождалась напористой пропагандистской кампанией,

которая выставила Соединенные Штаты лидером в общемировом противостоянии этому глобальному вызову. С этой точки зрения отказ от приоритетности контртеррористической борьбы стал бы серьезным ударом по международному престижу США.

В конце 2001 г. и в 2002 г. боевые действия в Афганистане велись достаточно успешно — «Аль-Каида» понесла большие потери, были подорваны ее связи с родственными экстремистскими группами. Однако Дж. Буш совершил роковую ошибку, притормозив на решающей фазе наступательные действия. Возникшая «передышка» позволила «Аль-Каиде» изменить свою тактику вооруженной борьбы, что дало возможность ее отрядам ускользать от преследований. Тем не менее, как представляется, американцам при сосредоточении их мощи на одной цели удастся, в конечном счете, разгромить «Аль-Каиду» и ликвидировать ее руководство. Спецслужбы, видимо, уже не повторят допущенные в 1990-е гг. промахи, благодаря которым Усама бен Ладен несколько раз избегал почти неминуемого пленения или смерти. В дальнейшем будут последовательно искореняться крупные террористические группировки, активизировавшиеся в последнее время, например, «Аль-Каида Аравийского полуострова» в Йемене.

С устранением «Аль-Каиды» не стоит все же рассчитывать на сколько-нибудь серьезный спад терроризма. Скорее всего, возможен его новый всплеск, мотивированный стремлением подтвердить свою жизнеспособность, несмотря на разгром главной организации. Война с террором втянется в замкнутый круг: на смену уничтоженным или

захваченным террористам придут новобранцы, причем в количествах, превышающих число выбитых из строя. Они будут настроены не менее фанатично, чем их предшественники, чаще — более образованными и поэтому легче овладевающими новейшими технологиями, используемыми для диверсий. Неизбежность долгой войны с террором в «посталькаидовский» период предопределяется корнями и истоками этого явления, его идеологией, способной привлекать к себе все новых последователей.

Новая ситуация в рядах исламистского терроризма

В начале 1990-х гг. «Аль-Каида» была почти неизвестна. Западные спецслужбы, в отличие от своих коллег из Египта и Саудовской Аравии, игнорировали такие ее операции, как взрыв в декабре 1992 г. отеля в йеменской столице Сана, где чудом не пострадали американские солдаты, содействие в 1993 г. боевикам Сомали в нападениях на американский экспедиционный корпус. В докладе Национальной комиссии США по расследованию событий 11 сентября 2001 г. было признано, что «до 1996 г. в правительстве США вряд ли кто-то осознавал, что бен Ладен является вдохновителем и организатором нового терроризма»¹. Внимание привлек только оставленный «Аль-Каидой» след при попытке взрыва в декабре 1993 г. Центра международной торговли в Нью-Йорке, но тогда американские спецслужбы ограничились лишь сбором информации.

Насторожиться их заставили программные заявления «Аль Каиды»: «Объявление джихада американцам, оккупирующим земли двух священных мечетей, то есть Саудовскую Аравию» (август 1996 г.) и «Джихад против евреев и крестоносцев» (февраль 1998 г.), подкрепленные сенсационными террористическими акциями. В августе 1998 г. синхронно были устроены взрывы около американских посольств в кенийской столице Найроби (213 убитых) и танзанийской — Дар-ас-Саламе (12 убитых). Ударом по престижу США стало нападение в порту Адена в декабре 2000 г. на ракетный эсминец «Коул» (17 убитых). В считанные месяцы У. бен Ладен стал для Запада врагом номер один. В мусульманском мире он приобрел иной имидж — в нем увидели мессию, который должен «наказать» Запад, якобы виновный в отсталости мусульманских стран.

Формирование «Аль-Каиды» пришлось на период, когда мусульманский мир оказался перед необходимостью определяться со своим положением в глобальной системе международных отношений. Во времена «холодной войны» СССР и США соперничали за подчинение его своему влиянию, что подкреплялось мощными финансовыми и другими ресурсами. С окончанием глобальной конфронтации бывшее внимание к «третьему миру» пошло на убыль, и ему предстояло изыскать собственное место в складывающемся новом мировом порядке. Обрести

сколько-нибудь заметный вес на международной арене для большинства мусульманских государств было делом непосильным, малореальным. Этот фактор хотя и был отдален от повседневной жизни низших слоев мусульман, но и у них он порождал чувство национальной ущемленности.

Поэтому установки «Аль-Каиды» на создание миропорядка с исламом в качестве доминирующего элемента, на избавление мусульманского мира от разрушающего воздействия Запада прозвучали не только дерзким, но заманчивым вызовом. Антиамериканская заостренность выдвинутых установок была встречена с нескрываемым восторгом во многих мусульманских государствах, поскольку отражала превалирующую среди масс враждебность к США. В подтверждение реальности своих замыслов алькаидовское руководство ссылалось на афганский опыт, который в его трактовке сводился не только к изгнанию Советской Армии из страны, но и к созданию предпосылок для развала СССР².

Алькаидовский максималистский вариант мусульманского возрождения возник не на пустом месте. Среди религиозных фанатиков уже бытовали схожие идеи. Теперь им было придано программное оформление и намечен путь воплощения в жизнь. Благодаря нанесенным Америке в сентябре 2001 г. ударам популярность «Аль-Каиды» взметнулась вверх. Этим нападением У. бен Ладен достиг двух стратегических целей: превращения терроризма в реальную угрозу мирового масштаба и втягивания США в затяжные военные действия на мусульманских территориях. Вместе с тем, бросив Америке вызов, «Аль-Каида» навлекла на себя удары возмездия, к адекватному сопротивлению которым не была готова. Как отмечал специалист по мусульманским радикальным течениям А. Тахери, «бенладенизм совершил 11 сентября акт самоубийства»³. Несмотря на мощный резонанс в мусульманском мире от проведенных терактов, так и не произошло подъема радикализма — предтечи джихадистских выступлений, как на это рассчитывал У. бен Ладен⁴.

Кроме того, «Аль-Каида», сделав терроризм доступным для мелких экстремистских групп, открыла перспективу ослабления своей руководящей роли. С точки зрения пришедшей к террору молодежи, эта организация выполнила свою миссию тем, что положила начало исламистскому террору на международной арене и выявила уязвимость перед терактами системы мировой безопасности. Для тех, кто избрал стезю терроризма после 2001 г., стали характерными повышенная амбициозность, стремление любыми путями добиться авторитета среди единомышленников, возвыситься над средой, из которой они вышли. Их не прельщала перспектива оставаться в тени «Аль-Каиды», выступать в качестве ее подручных. Они нацелились возглавить джихадизм. Это вовсе не означает отчуждения «Аль-Каиды» — в их представлении она должна была оставаться легендой,

своего рода брендом для устрашения внешнего мира. Отдельные террористические акции даже символически связывались с ней (обычно в присвоении им кодовых названий), чтобы подтвердить принадлежность осуществивших их групп к инициированному «Аль-Каидой» террору.

В первой половине истекающего десятилетия XXI века внутри исламистского террористического сообщества стала складываться ситуация, которая принципиально отличалась от существовавшей в 1990-е годы. Тогда это сообщество представляло собой пирамиду с «Аль-Каидой» на вершине. Ее «подпирали» региональные страновые отделения во главе с соратниками У. бен Ладена, а основание составляли мелкие группировки, признававшие неоспоримый авторитет верховной организации и выполнявшие ее указания. Контроль «Аль-Каиды» удерживался финансовой помощью и отлаженной системой связей. Однако с появлением оперативной боеготовности взаимодействие с подчиненными подразделениями сошло на нет⁵.

После событий 11 сентября страновые ответвления «Аль-Каиды» еще провели по ее указаниям несколько терактов, наиболее крупным среди которых был подрыв туристических центров в октябре 2002 г. на индонезийском острове Бали (202 убитых). В дальнейшем они стали действовать уже по собственному усмотрению в рамках общей стратегии (например, попытки инспирировать вооруженные выступления в Саудовской Аравии в 2003–2006 гг.), но мировые СМИ по сложившемуся стереотипу все еще приписывали все эти акции «Аль-Каиде». Однако ее прямую причастность спецслужбам выявить не удалось.

С диверсией в марте 2004 г. на пригородных поездах в Мадриде (192 убитых) террористическая активность вступила в фазу, отличающуюся отсутствием единого направляющего центра, разобщенностью многочисленных группировок и нескоординированностью их действий, смещением упора с масштабности терактов на привлечение к себе внимания. На этот период пришелся новый подъем терроризма, когда к нему обратилась часть мусульманской молодежи, впадшая в очередной приступ ненависти к Западу в ответ на вторжение в Ирак. На широком географическом пространстве, от Индонезии до Великобритании, возникали все новые экстремистские и террористические организации. Ряд из них обезвреживались спецслужбами еще на стадии становления. Однако те, которые не гнались за саморекламой и соблюдали элементарную конспирацию, смогли выжить и подготовиться к участию в исламистском терроре. Нередко их возглавляют выходцы из «Аль-Каиды», стремящиеся независимо от нее выстроить собственную «террористическую карьеру». Набирают силу и ранее взращивавшиеся «Аль-Каидой» организации, которые, по оценкам западных специалистов, могут оказаться опаснее бывших покровителей, например, «Лашкар-ет-Тайба»⁶.

Вместе с обретшими самостоятельность отделениями «Аль-Каиды» эти группы образуют широкую сеть, составные элементы которой организационно и на практике не связаны между собой и смыкаются только на платформе общего антизападного террора. Эта разрозненность служит фактором, серьезно затрудняющим ликвидацию этой сети. Нейтрализация одного или нескольких террористических подразделений не дает зацепок для выхода на всю сеть, поскольку их самоизоляция исключает выкачивание информации о других звеньях преступного сообщества.

Принципиально новая схема отношений между участниками исламистского террора была всесторонне проанализирована бывшим сотрудником ЦРУ М. Сейджменом в его книге «Джихад без руководства». Пожалуй, впервые здесь была отмечена двойственность последствий этой разобщенности: структура, лишенная единого руководства и внутренних уз, наделяет террористов одновременно и мощью (выживаемость и приспособляемость к окружающей среде), и слабостью (отсутствие четкой стратегии и внятных политических целей)⁷. Представленные автором соображения по противодействию новой террористической волне не отличались оригинальностью, но, вместе с тем, не лишены были конструктивного начала, заключавшегося в акцентировании важности привлечения мусульман к сдерживанию экстремистских тенденций. М. Сейджмен настаивал на том, что даже с принятием гибких мер, борьба с «террором без руководства» все равно будет гораздо сложнее, нежели с любой централизованной террористической системой, а значит, и более длительной⁸.

Представленное в книге видение новой террористической сети отнюдь не было неожиданным открытием. Ряд западных экспертов уже приближались к аналогичному рассмотрению этой проблемы, правда, лишь в отдельных ее фрагментах. Ими, в частности, отмечалось угасание роли «Аль-Каиды» в террористическом сообществе⁹. М. Сейджмен лишь первым представил полную картину нового явления. И хотя выдвинутые им идеи были подкреплены солидным фактологическим материалом и основательной аргументацией, они подверглись в США серьезной критике. Выход книги М. Сейджмена стал событием, взбудоражившим экспертное сообщество и выявившим в нем когорту тех, кто категорически отвергал саму возможность глубинных подвижек в террористическом движении, тем более трансформировавших его в «джихад без руководства».

Представленная автором схема расположения исламистского террора по миру не встретила особых возражений, но тезис о развитии этого процесса без участия «Аль-Каиды» был встречен буквально «в штыки». Ряд маститых американских политологов взяли, скорее с политическим, нежели научным рвением, доказывать лидерство этой организации, координацию ею международного террора и выбор целей для

очередных нападениях. М. Сейджмен отвечал своим оппонентам, что, «упуская из виду эволюцию угрозы, мы обрекаем себя на ведение бесконечной войны»¹⁰. Это предостережение звучит сегодня актуальнее, нежели летом 2008 г., когда оно было сделано.

С возобновлением интенсивной охоты на «Аль-Каиду» весь исламистский террор вновь стал приписываться только ей. Между тем, по оценке американских спецслужб, численность боевиков этой организации в настоящее время колеблется от одной до трех-четырех сотен человек, включая скрывающихся в Пакистане¹¹. Изрядно потрепанную организацию изображают всемогущим монстром, способным творить, словно по лекалам пресловутой теории заговора, злодеяния в любой части света. Поспособствовала этому и неудачная попытка в декабре 2009 г. взрыва самолета на рейсе Амстердам-Детройт. Информации о пребывании готовившего диверсию нигерийца У. Абдулмуталиба в Йемене и его встречах с руководителем местных террористов А. аль-Авлаки, поддерживавшим в прошлом связи с окружением У. бен Ладена, оказалось достаточно, чтобы подготовку теракта списать на «Аль-Каиду».

После взрыва в московском метро 29 марта 2010 г. отдельные российские СМИ поспешили пристегнуть к нему «Аль-Каиду», без всяких к тому доказательств ее участия в подготовке этого теракта¹². Творцам подобных сенсаций не помешало бы внимательно вчитаться в замечание главы МИД РФ С. Лаврова, не исключившего в осторожной форме возможности поддержки террористов из-за рубежа. Неоднократно подтверждалось присутствие на Северном Кавказе зарубежных боевиков, включая и членов бывшей алькаидовской сети, которые передают здесь свой «опыт». В свое время «Аль-Каида» помогала террористическому подполью не только эмиссарами, но и финансовыми дотациями. Однако участие в диверсиях в Москве этой организации при ее нынешнем бедственном положении и в условиях отчаянной борьбы за выживание представляется надуманным.

Исследования кардинальных перемен в структуре исламистского терроризма неизбежно упирается в факт игнорирования этого явления на официальных уровнях. Сказывается неподготовленность к всеобъемлющей контртеррористической борьбе иными методами, кроме конвенциональных боевых действий. Если в военной кампании против «Аль-Каиды» и Талибана еще просматривается определенная рациональность, то армейские операции для нейтрализации малочисленных, глубоко законспирированных и разбросанных по миру групп будут бессмысленными и контрпродуктивными. Западные спецслужбы располагают действенной методикой предотвращения на своих территориях терактов, но не добились прогресса в заблаговременном выявлении террористических ячеек, а, следовательно, пока не способны работать на опережение, что необходимо для обезвреживания любых внутренних подрывных структур.

В конце XX в. Европа не испытывала масштабных диверсий исламистских террористов, за исключением осуществленной в 1995 г. во Франции алжирской «Вооруженной исламской группой» серии терактов. После 11 сентября 2001 г. радикальный исламизм счел подрывную деятельность против «враждебного» Запада более эффективной, если проводить ее на его же собственной территории. Европа еще верила, что террор, сконцентрированный против США, обойдет ее стороной. СМИ левого толка утверждали, что «террористы атакуют американский империализм» за поддержку Израиля и агрессивную политику в регионе¹³. После ряда террористических акций в Европе европейцы стали осознавать, что угроза у них дома вызрела во многом из-за превратного истолкования принципов толерантности и политкорректности. Прежняя терпимость к радикалам из иммигрантской среды стала стремительно исчезать. По словам американского исследователя Т. Бленкли, «страх и гнев антиисламистской направленности начали прорываться из-под спокойствия, навязывавшегося европейской элитой, которая всегда предпочитала либо игнорировать и идти на умиротворение, либо ограничиваться полумерами вместо последовательного противостояния опасности радикального исламизма»¹⁴.

Враждебность европейцев к радикалам-исламистам нередко переносится на всех мусульманских иммигрантов. В массовом сознании складывается ложное представление об исламе как религии, якобы исповедующей тотальную ненависть ко всем иным конфессиям. Эту тенденцию исламисты могут смело заносить в свой актив, поскольку она еще больше отчуждает иммигрантов от европейской среды и делает их податливыми исламистской идеологии. Распространение в иммигрантских общинах идей джихада и террора ведет, по замечанию немецкого ученого сирийского происхождения Б. Тиби, к тому, что «Европа становится полем битвы международного конфликта, разжигаемого исламизмом»¹⁵. Немногие политики позволяют себе раскрывать суть этой проблемы, как бывший британский премьер Т. Блэр. Он открыто признал, что «теракты... не являются единичными случаями. Это — часть широкого движения»¹⁶. Отдельные меры по обузданию радикального исламизма в Европе предпринимаются. Однако они либо имеют половинчатый характер, либо оказываются контрпродуктивными, поскольку отражаются не на исламистах, а на иммигрантской массе, как например, ограничения на ношение хиджабов — женских головных платков (Франция), выступления против строительства минаретов (Швейцария).

Руководство стран Запада, хотя и без открытых признаний, но отдает себе отчет в том, что вслед за разгромом «Аль-Каиды» на повестку дня встанет сложная проблема искоренения звеньев всей террористической сети. Проявляется стремление задвинуть до времени эту проблему в тень. Ликвидация террористического подполья неизбежно выведет на

противоборство с радикальным исламом, являющимся для него опорой. Контртеррористическая борьба дополнится нежелательным для Запада аспектом — конфессиональным.

Радикальные исламисты, выдавая себя за последовательных защитников ислама, приноровились относить выпады в свой адрес к проявлениям исламофобии. «Аль-Каида» объявила начавшееся в 2001 г. ее преследование войной против ислама. В ответ на масштабное наступление на всю террористическую сеть радикальные исламисты, несомненно, будут взвинчивать антизападные настроения как реакцию на «антиисламский крестовый поход» и трубить о схватке цивилизаций. Запад, естественно, заинтересован оттянуть решение этой задачи, но заниматься ею так или иначе ему придется.

Идеологическая основа исламистского террора

Численность мусульман, связавших себя в течение десятилетия с террористической деятельностью, была бы, видимо, гораздо ниже, если бы их стимулировал только пример «Аль-Каиды». Алькаидовский удар по Америке 11 сентября 2001 г. дал мощный импульс для пополнения рядов террористов, но этот образчик так и остался одноразовым. Схожих по масштабам операций провести не удалось, прошлые «успехи» без продолжения вдохновляющим фактором служить не могли. Загнанная в подполье «Аль-Каида» старалась напоминать о себе за счет наполнения Интернета угрозами США и Западу и призывами к джихаду. С осени 2001 г. по сентябрь 2009 г. У. бен Ладен и его заместитель А. аль-Завахири выпустили более 60 подобных обращений в Интернете¹⁷. Беспрестанные проклятия в адрес Америки стали восприниматься с сарказмом, поскольку отражали лишь бессильную злобу алькаидовского руководства. К заклинаниям о джихаде если кто и прислушивался, то только закоренелые экстремисты. Для подавляющего большинства мусульман эти пропагандистские трюки значили уже не больше, чем новости вчерашнего дня.

Для создания атмосферы, обеспечивающей непрерывный приток новобранцев-террористов, требовалась постоянная, кропотливая, охватывающая различные слои идеологическая обработка в духе непримиримой враждебности к США, Западу и их местным сателлитам, а также готовности к беспрекословному самопожертвованию во имя верховенства ислама. Задачу перестройки массового сознания мусульманства взял на себя с конца XX в. исламистский радикализм.

Исламизм как политическое движение с самого начала было нацелено на восстановление фундаментальных основ ислама. Собственно говоря, в качестве такового оно существовало на протяжении всего XX в. Но исламизм долго оставался «в загоне», так как жестоко преследовалось правящими режимами. Только к концу столетия, когда в арабском мире исчерпали себя

основные идеологические течения — национализм, панарабизм, социализм, насеризм, баасизм и т.д., он смог, воспользовавшись образовавшимся вакуумом, вырваться на политическую арену. Ему быстро удалось обрести большую популярность, чем у прежних идеологических «измов», благодаря вспыхнувшей в массах тяге к возвышению ислама как панацеи от хронической отсталости. Российский востоковед Г. Мирский сделал в этой связи смелый вывод, что «исламизм стал мировым явлением, фактически он сейчас более заметен, чем ислам как религия»¹⁸.

Часть исламистов, ориентировавшаяся на охватившую низы общества жажду скорых и коренных перемен, не была удовлетворена использованием мирных, а то и легальных методов, считая их недостаточными для продвижения к поставленным целям. Альтернативой был путь жесткой подпольной борьбы, упор в которой делался на экстремистские средства, и, прежде всего, террор. С переходом к этой тактике в исламизме выделилось радикальное крыло. Хорошо известно стремление радикалов «приватизировать» ислам и, переиначив его положения в угоду своей идеологии, манипулировать «откорректированной» религией и как знаменем, и как щитом, и как ключом к сердцам мусульман. В обществе, для которого «ислам является всем», и самая радикальная линия в религиозном обрамлении найдет немало сторонников, неосведомленных в вопросах теологии, но всегда готовых солидаризироваться с борцами за веру. Теория джихада в редакции радикалов, оторвавших ее как от идеи самоусовершенствования, так и от заповеди пророка Мухаммеда о защите мирных жителей, женщин, детей, стариков превратилась в руководство по терроризму.

Умеренные исламисты также ставят ислам во главу своей идеологии, но цель видят в восстановлении без малейших изменений его законов и установок мухаммедовского времени. Обращение к прошлому вызвано нынешним положением ислама. В отличие от других монотеистических религий, он не претерпел за свою историю реформаций, но оброс наслоениями, выхолостившими его узловые моменты, включая упор на социальную справедливость. За счет возврата к истокам умеренные надеются обеспечить ренессанс ислама, восстановить первоначальные ценности, утраченные на историческом пути. На этом, видимо, основано замечание российского исламоведа А. Малашенко, что исламизм — это не болезнь ислама, а часть его традиции, фрагмент политической культуры¹⁹. Эксперты сходятся в том, что умеренные исламисты численно превосходят радикалов, но те, по справедливому замечанию российского специалиста Р. Ланды, «благодаря своей агрессивности, шумной агитации, актам террора и насилия, широко освещаемым в СМИ, у всех на виду вроде бы доминируют над основной массой мусульман»²⁰.

Радикал-исламизм породил новый тип террористов, которые, в отличие от своих предшественников

(например, левацкого крыла палестинского сопротивления), увязывали террор не со страновыми или национальными интересами, а с религиозным очищением мусульманского мира от опутавшей его западной скверны. Радикальный исламизм не только выпустил на свет терроризм, но и взял его под свою плотную опеку. В религиозных проповедях и других обращениях к мусульманской аудитории даже самые кровавые террористические операции превозносились как наивысшие подвиги во имя ислама. Героизация террористической деятельности, последовательно и искусно насаждавшаяся радикал-исламистской пропагандой, принесла более весомые результаты в плане воздействия на массовое сознание, чем спорадические призывы бен Ладена к джихаду. Уход мусульман в терроризм стал реальностью главным образом благодаря усилиям радикальных исламистов. Своего рода содействие им оказывали и США своей оккупацией Ирака, доведившей антиамериканские настроения до готовности идти на крайние меры ради избавления земель ислама от попирающих их иноверцев. Сами лидеры террористических группировок, скрывающиеся в подполье и не имеющие доступа к широкой аудитории, естественно, не смогли бы обеспечить непрерывный приток новобранцев. Программные документы с солидным религиозно-идеологическим обоснованием разрабатывались для «Аль-Каиды» и других крупных организаций непосредственно такими ведущими теоретиками исламизма, как Хасан аль-Тураби, Абу Хамза аль-Масри, Имам аль-Шариф, известный под псевдонимом доктор Фадль.

Другой формой помощи террористам являлся сбор для них финансовых средств. Миллионов у бен Ладена явно не хватило бы на длительное содержание террористической сети, тем более что возможность прямых денежных трансферов была для него заблокирована. Радикальные исламисты поставили на постоянную основу сбор средств у населения «на религиозные и благотворительные цели», чтобы распределять их по всей сети напрямую, минуя банки, которые ввели, в соответствии с Международной конвенцией ООН о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1993 г., системы блокирования движения средств, предназначенных для террористических целей.

Правящие мусульманские режимы уже убедились во враждебности радикальных исламистов и добиваются их вытеснения из региона. Иногда они финансируют контролируемые исламистами религиозные учреждения за границей, чтобы туда перенацелить их активность. Наиболее безопасным убежищем оказалась Западная Европа с ее прочными демократическими устоями и, прежде всего, свободой политических убеждений. Радикал-исламистов не смущает обращение за защитой к тем западным принципам, которые они клеймят как первопричину деградации исламского сообщества. Благоприятствует радикал-исламистам и наличие внутри мусульманских общин восприимчивой к их идеям аудитории.

Второе и особенно третье поколение иммигрантов, получив нередко неплохое образование, сносно устроив свою судьбу и восприняв, пусть и поверхностно, стандарты западного образа жизни, испытывают, тем не менее, отчужденность от местного общества, осознают невозможность полностью в него интегрироваться. Молодые иммигранты отдаляются также и от жизни своих общин в силу более высокого культурного и образовательного уровня. Они стремятся к самоидентификации, и путь к ней видят в акцентировании своей религиозной принадлежности. Однако ислам в традиционной форме уже не устраивает иммигрантскую молодежь, стремящуюся выделиться среди единоверцев и утвердить свою «особость» перед европейцами. Отсюда и обращение к идеям радикального исламизма как адекватно соответствующим амбициозным устремлениям. Опекаемые исламистами террористические группы быстро набирали силу. Некоторые из них к концу 1990-х гг. уже готовы были осуществлять не только вспомогательные функции, но и собственные операции.

Несмотря на проведение в Европе нескольких кровопролитных акций, исламистским террористам не удалось открыть на континенте новый фронт. Однако они создали разветвленную сеть ячеек со значительным людским потенциалом, а, значит, продолжают держать на прицеле западноевропейские страны, угрожая им провокациями. Благодаря европейской демократической системе лидеры радикал-исламизма действуют здесь более раскованно, нежели их соратники в мусульманском ареале. Французский исламовед О. Руа отмечал это еще в начале нынешнего десятилетия: «Сейчас наблюдается необычная противоположная тенденция — экспорт радикального ислама с Запада на Восток... Этот интересный феномен не имеет никакого отношения к «Аль-Каиде»²¹.

К обузданию исламистского террора

По мере затягивания антитеррористической борьбы массовое сознание свыкается с мыслью, что человечеству предстоит долго терпеть это свалившееся на него бедствие. Каждый новый крупный теракт подтачивает доверие к тем государственным деятелям, которые пытаются приглушить всеобщую встревоженность заверениями, будто терроризму уже переломлен хребет и скоро с ним будет покончено. Как еще раз показали взрывы в московском метро в марте 2010 г., для такого оптимизма пока мало оснований. Тем не менее, даже при всех критических оценках контртеррористической кампании, общественность и на Западе, и на Востоке не перестает задаваться вопросами о путях к избавлению от этого бедствия.

Серьезным сдвигом в исследованиях современного террора стало увязывание его с радикальным исламизмом, который инфицировал мусульманский ареал изрядной порцией экстремизма. Признание решающей роли этого течения в подъеме терроризма

с религиозной окраской выдвигает в качестве первоочередной задачу развертывания против него идеологического противодействия. Террористическая активность только тогда лишится подпитывающих ее корней, когда радикальный исламизм потерпит полное поражение в идеологическом плане и будет бесповоротно дискредитирован.

Напряженность в отношениях с мусульманским миром побуждает руководство ведущих держав искать подходы к преодолению укоренившихся в мусульманском мире ярых антизападных, ксенофобских настроений. Свое выступление в Каирском университете в июне 2009 г. президент Б. Обама посвятил приоритетности налаживания американо-арабского взаимопонимания. Однако на практике США ограничились малозначительными шагами в этом направлении, например, снятием запрета на въезд в Америку для чтения лекций ряда умеренно настроенных мусульманских теологов, в частности, профессора Т. Рамадана²². Уровень антиамериканизма такие шаги не снизят, тогда как продолжение американцами боевых действий на землях ислама его резко повышает. Доверие к США в регионе зависит и от того, решатся ли они, используя свои стратегические отношения с Израилем, оказать на него политическое воздействие, настраивающее на компромиссный подход к установлению мира с палестинцами.

Российское руководство также держит в поле зрения ситуацию с экстремистскими тенденциями в мусульманском ареале, откликающимися дестабилизацией обстановки на Северном Кавказе и созданием угроз ближайшим соседям — центрально-азиатским странам. Как известно, «Аль-Каида» закрепила в своих документах идею халифата, включающего Поволжье и Северный Кавказ. Формирование такого образования и сегодня представляется безумной утопией, но повышенный интерес к российским регионам с преобладающим мусульманским населением остается неоспоримым фактом.

Свой вклад в общие усилия по обузданию экстремистских тенденций Россия видит в налаживании межцивилизационного диалога с мусульманами зарубежья как в светском, так и в религиозном форматах. Позитивная отдача сказывается в углублении понимания сторонами позиций друг друга по международной тематике и взаимным отношениям. Однако проблемы экстремизма на этих встречах не заостряются, а, значит, и сам диалог утрачивает свое основное предназначение. Представители мусульманских стран, в основном близкие к официальным властям, уклоняются от публичных выступлений на эту тему во избежание обвинений в «искажении исламских течений».

Межцивилизационный диалог, по всей видимости, был бы ближе к вопросам радикализации настроений в регионе, если с мусульманской стороны участвовали те, кто знает этот процесс изнутри. Как представляется, оптимальными для этого партнерами были бы исламисты, но, естествен-

но, стоящие на умеренных позициях и отвергающие линию радикального исламизма. Умеренные исламисты не без оснований усматривают у радикалов претензии на лидерство в исламизме и опасаются, что в авангард движения выдвинутся неуравновешенные в своей политической ориентации и маргинализированные элементы общества. В открытые трения с радикалами умеренные вступают редко, но расхождения между ними обозначаются все отчетливее. Это создает возможность для втягивания их в обсуждения проблем критической дестабилизации обстановки в регионе при резком усилении влияния радикализма. Привлечь умеренных исламистов к диалогу будет сложно из-за укоренившегося стереотипа о всеобщей к ним враждебности. Немаловажно и традиционное недоверие к иноверцам, особенно в том, что касается сугубо мусульманских проблем. Тем не менее, соответствующие усилия не могут не дать хотя бы частичные результаты — налаживание контактов с этим крылом исламизма, демонстрация готовности к общению с ним, а, значит, и смягчение его подхода к внешнему миру. Наличие противостоящих радикальному исламизму сил внутри самого течения расширяет возможности блокирования экстремистских тенденций, а, значит, и перекрытия источников подпитки терроризма.

Любую идеологию — и это аксиома, — невозможно одолеть силовыми средствами. Она должна либо сама выдохнуться, либо сойти с арены под нажимом более мощного идеологического концепта или движения. Жестокие репрессии в отношении наиболее ярых проповедников радикал-исламизма, к которым часто прибегают в арабских странах, приводят обычно к очередным всплескам экстремистских настроений, подогреваемых жадой возмездия за своих наставников. В отдельных ситуациях силовой нажим является необходимостью, но как основной способ подавления этого противника он не срабатывает. В идеологической борьбе с радикальным исламизмом реальные шансы на успех появятся при условии, что вести ее будут в теолого-политической сфере исключительно сами мусульмане. Любое вмешательство извне неизбежно вооружит радикалов таким безотказным по воздействию на массы доводом, как навязывание «враждебными внешними силами» устраивающего их толкования ислама и решений внутримусульманских проблем в своих интересах.

Вполне очевидно, что клерикальная верхушка хотя и сохраняет приверженность каноническому исламу, но не в состоянии решительно противостоять радикалам, извращающим основные религиозные постулаты в угоду своим политическим целям. Даже их угрозы сместить существующий светский и духовный истеблишмент не могут побудить ее на ответную жесткость ради самосохранения. В предстоящей идеологической схватке клерикальная верхушка если и способна сыграть какую-то роль, то не более чем вспомогательную.

Серьезным для радикал-исламизма соперником может стать только движение, пользующееся популярностью в массах, не успевшее заостряться в своих программных догмах, наделенное динамичностью, амбициозностью, напористостью. Идеологическая палитра современного мусульманского мира является весьма блеклой. Силой, отвечающей этим требованиям, остается сегодня умеренное крыло исламизма. Несомненно, этот выбор может вызывать возражения. Нынешний радикализм зародился и развивался внутри самого исламизма, чьи идейные установки он использовал, подстроив под свою линию. Действуя автономно, радикальные исламисты все же продолжают оставаться частью исламистского течения. Критика в их адрес со стороны умеренных кругов еще не предвещает вариант раскола, тем более, что исламизм как движение не имеет четкой организационной структуры и проявляет себя за счет способных будоражить массы своими проповедями теологов, высказывающих собственные, иногда не совпадающие с общепринятыми взгляды.

Бывает, что между некоторыми умеренными и радикальными исламистами сложно провести четкую грань из-за эклектичности их личных воззрений. Так, уже упоминавшийся доктор Фадль отмежевался от экстремизма и теперь отвергает террор как фактор, наносящий ущерб мусульманскому миру²³. Другой популярный исламист, профессор Ю. аль-Карадави, считающийся рядом западных экспертов умеренным, хотя и высказывается критически о терроре, но вместе с тем еще с 1990-х гг. оправдывает его применительно к израильским гражданским лицам, а теперь и в отношении тех, кто причастен к оккупации Ирака²⁴.

Не принижая притягательность радикальных идей для определенных групп мусульман (особенно иммигрантов в Европе), следует признать, что гораздо большее влияние на настроения мусульманских масс оказывает умеренное крыло исламистов. Именно его сдержанная позиция, а не военные усилия США в Афганистане, предотвратила после 11 сентября 2001 г. взлет экстремистских тенденций до критического уровня, не позволила им полностью захлестнуть регион. Как справедливо заметил редактор журнала «Newsweek» Ф. Закария, «если бы джихадистская идеология оказалась привлекательной для значительной части населения, Запад столкнулся бы с бесконечной схваткой цивилизаций, политикой кровью и слезами»²⁵.

Умеренных исламистов раздражают оголтелые заявления и действия радикалов, опека террористических групп, дискредитирующие исламизм в целом, перекрывающие его шансы на легитимность. К сожалению, не многие эксперты уделяют должное внимание трансформации, точнее, осовремениванию взглядов части исламистов, питающих надежды на обретение статуса легальной оппозиции. Эти, как их называют, «новые исламисты», в отличие от своих единомышленников позитивно относятся к западным концепциям

демократии, правам человека, верховенству закона, хотя и имеют в виду их перекройку в мусульманском духе. Прорывной момент для исламистского мировоззрения видится в их нацеленности на участие в выборах ради мест, с которых они смогут постепенно внедрять в практику отдельные элементы исламистской платформы²⁶. Они также настроены на поддержку реформ, способных вывести регион из состояния всеохватывающей стагнации.

Если перед новыми и другими умеренными исламистами обозначится возможность полновесного участия в политической жизни своих стран, но при нейтрализации в рядах движения экстремистских и протеррористических сил, то это может послужить фактором, подталкивающим их к окончательному размежеванию с радикалами. Правда, в силу своих амбиций они вступят в конкуренцию с режимами за влияние на массы. Как показала победа на выборах в Турции в 2002 г. и в 2007 г. Партии справедливости и развития, приход к власти умеренного исламизма не обязательно должен сопровождаться революционными катаклизмами. Это, однако, не снимает озабоченностей режимов, ставящих превыше всего незыблемость своего правления. Убедить их в целесообразности допуска на политическую арену умеренного исламизма будет, видимо, сложнее, чем склонить умеренных к идеологической борьбе с радикалами.

Борьба с терроризмом отчетливо высветила необходимость демократических преобразований в мусульманском мире, чтобы переломить тенденцию к поддержке частью населения террора. Калька с западных образцов демократии неизбежно окажется контрпродуктивной: реформы будут отвергаться уже потому, что идут от «враждебного» Запада, а, следовательно, содержат разрушительный для мусульманской общности заряд. Демократические перемены возможны при условии, что инициаторами и проводниками будут мусульмане, подстраивающие их под специфику местного образа жизни и религиозный уклад.

При существующей ситуации старт реформам может быть дан только сверху. В этой связи желательно настраивать правящие режимы на введение некоторых свобод, обеспечивающих, в том числе, и открытые идеологические дискуссии без опасений последующих репрессий. Доводом могло бы послужить то, что дозируемые и контролируемые политические послабления не создадут реальной угрозы существующей власти, но будут способствовать ограждению ее от опасностей, исходящих от радикального исламизма. С публичным развенчанием и низвержением идейных установок радикалов на убыль пойдет внедрение экстремистских взглядов и искаженных представлений об узловых моментах исламского вероучения. Таким образом, будет параллельно решаться задача избавления ислама от попыток отсечь от него гуманистические начала, придать ему имидж сверхвоинственности для устрашения внешнего мира.

Идеологическое наступление на радикальный исламизм даже при успешном разворачивании не подменит собой военной кампании против террористов. Ликвидация или захват У. бен Ладена, других организаторов террора остается императивом — это и подтверждение неотвратимости возмездия за преступления против человечности, и «шоковая терапия» для рядовых террористов и тех, кто склонен к ним примкнуть. Вооруженная борьба требует некоторых корректив. Во-первых, с крупномасштабных акций с неизбежными жертвами среди мирного населения желательно перенацелиться на спецоперации. Во-вторых, необходимо вовлечение в борьбу мусульманских режимов. Пока они ограничиваются подавлением «домашнего» террористического подполья, избегая участия в коллективных действиях. В результате среди мусульман крепнет мнение, что военная кампания нужна исключительно Западу для реализации своих антимусульманских замыслов.

Разгром «Аль-Каиды» и подобных ей формирований, представляющих собой верхушку айсберга терроризма, является делом времени, но при максимальном напряжении международных усилий, наращивании концентрированных ударов по выявленным ячейкам. Для террористической пирамиды полная нейтрализация ведущих организаций станет потрясением, но ее развалу никак не поспособствует. На арене появятся не менее агрессивные группы, а У. бен Ладена заменит, возможно, более зловещая фигура. Смена поколений в рядах террора будет продол-

жаться, пока процветает идеология джихадизма.

Процесс идеологического развенчания радикального исламизма, несмотря на неизбежные подводные рифы, необходимо начинать как можно скорее — уже потеряно целое десятилетие, что дало этому течению солидную отсрочку для укрепления позиций. Если не продвигаться в этом направлении, то терроризм с исламистской окраской так и останется гирей на ногах мирового сообщества. Борьба приобретет циклический характер, когда ликвидированные группы будут замещаться вызревшими в тени радикального исламизма новыми организациями. Такая ситуация опасна не только ростом напряженности в странах, подвергающихся нападениям, но и расшатыванием международной безопасности в мире.

Summary: The passed decade of counterterrorist struggle has demonstrated the ability of modern terrorism for self recovering. The phenomenon is rooted in alliance with the Radical Islamism which is a midwife of the terrorism under pseudo-Islamic banners, its financial sponsor and provider of ideological motivation. That's why a crushing defeat of terrorism is possible only with preliminary neutralization and delegitimization of the Radical Islamism on the ideological battlefield. Taking into consideration today's influence of the Moderate Islamism, its tense relations and rivalry with the Radicals it might be relevant to involve this trend into the forthcoming ideological confrontation.

Ключевые слова

терроризм, «Аль-Каида», ислам, радикальный исламизм, умеренный исламизм

Keywords

terrorism, "Al-Quaida", Islam, radical Islamism, moderate Islamism

Примечания

1. The 9/11 Report. The National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. N.Y. 2004. P.159
2. Abdel Bari Atwan. The Secret History of Al-Qaida. L., 2007. P.253
3. <http://www.nationalreview.com/comment-taheri.11.09.2003>
4. B.Riedel. The Search for Al Qaeda. Washington, 2008. P.8
5. M. Sageman. Leaderless Jihad. Philadelphia, 2008. P.126
6. Newsweek, 8.03.2010
7. Sageman, op.cit., P.144
8. Sageman op.cit. PP.149–151
9. P.Mandaville Global Political Islam. N.Y. 2007.P.260
10. Foreign Affairs. July/August 2008
11. <http://www.inosmi.ru/usa/20100117/157628626>
12. «Независимая газета», 05.04.2010
13. B.Bawer. While Europe Slept. N.Y. 2006. P.79
14. T. Blankley. The West's Last Chance. Washington. 2005. P.74
15. B.Tibi. Political Islam, World Politics and Europe. N.Y. 2008. P.163
16. Россия в глобальной политике. №1, январь-февраль 2007
17. The Times. 15.09.2009
18. Г. И. Мирский. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М. 2008. С.25
19. Коммерсант. 7.06.2006

■ Политология

20. Р. Г. Ланда политический ислам: предварительные итоги. М. 2005. С.64
21. O. Roy. Globalised Islam. L., 2006. P.309
22. The Christian Science Monitor. 9.04.2010
23. The New Yorker. 2.06.2008
24. G. Kepel. Beyond Terror and Martyrdom. Harvard University Press. 2008. P.39
25. Newsweek. 22.02.2010
26. P. Mandaville. Global Political Islam. NY. 2007. P.103